

Т. А. Вдовенко,

Измаильский государственный гуманитарный университет, г. Измаил

ОБРАЗ ПРЕДМЕТОВ-НАРРАТОРОВ В ИНОСТРАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статтю присвячено особливостям речей-нарраторів у іноземній художній літературі.

Ключові слова: річ-наратор, персонаж, іноземні художні твори.

Статья посвящена описанию особенностей предметов-нарраторов в иностранной художественной литературе.

Ключевые слова: предмет-нарратор, персонаж, иностранные художественные произведения.

The article focuses on the problem of description of objects-narrators' peculiarities in foreign prose.

Key Words: object-narrator, personage, foreign fiction.

Цель статьи – описать особенности образов предметов-нарраторов, ведущих повествование в иностранной художественной литературе. Задача заключается в выявлении их общих и специфических характеристик, а также возможных вариантов модификаций такого литературного образа как предмет-нарратор.

Объектом исследования послужили англоязычные произведения авторов Тибора Фишера и Джоан Харрис.

Введение неодушевленного повествователя, по мнению Е.В. Игиной, следует рассматривать как крайний случай эксплицитного самоустранения автора и активизации прагматической установки на сотворчество читателя [1, с. 90]. Рассказ может вести предмет-повествователь (артефакт), такой, например, как старинная ваза (повесть Тибора Фишера «Коллекционная вещь») или винная бутылка (произведение Джоан Харрис «Ежевичное вино»). В перечисленных выше произведениях все происходящее описывается через восприятие предметов.

Передавая повествование неодушевленным предметам, авторы художественных произведений преследуют цель – избежать стереотипность восприятия мира читателем, показать описываемую действительность в необычном ракурсе.

Главный персонаж (она же рассказчица) повести Тибора Фишера «Коллекционная вещь» – старинная керамическая ваза 843 г. до н. э. рождения, побывавшая в руках сотен хозяев, на дне моря, в гробнице фараона. Ваза живая: говорит на 5000 языках, может менять форму, размер. Ей представляется, что не люди ее коллекционируют, а она их коллекционирует. При этом ваза классифицирует своих хозяев и людей, которые попадают в поле ее зрения, и дает им номер: *The Chin (Forty Thousand One Hundred and Nine)* [2, с. 163].

Взгляд на человека происходит в формате *вещь – человек*, а не *человек – человек*, как привыкли люди. Человеку, попадающему в поле зрения вазочки, присваивается номер в зависимости от типа и формы той части тела, которая привлекла саму коллекционную вещь. Чаще всего объектом внимания становится нос, рот, глаза, подбородок, грудь, ягодицы, пупок и т.д.:

Of bosom, there are two hundred and twenty styles, of buttocks, two hundred and eighty-four. I order. I know. I do my job. [2, p. 11]

Her navel is type sixty seven of two thousand, two hundred and thirty-four, the buried bald man.

To date I have catalogued twenty-five assorted dirt-pushers, nineteen unknowns, fifteen herdsmen, fourteen warriors, ten maids, nine seamstresses, seven bakers, six strumpets, five cooks, five members of the nobility or lugalling classes, three discoboli, three singers, three users of ink, two ferrymen, two flute players, two lace makers, two monarchs, two slaves... [2, p. 11-12].

Такая оценка со стороны неодушевленного предмета заставляет нас, людей, критически посмотреть на себя.

Обращает на себя внимание разнообразие цветов и оттенков, которые различает ваза. Если, например, взять только цвет глаз, то их повествовательница насчитывает десять тысяч девятьсот сорок девять: *For irises, there are ten thousand, nine hundred and forty-nine principal hues. Rosa has mostly the grey I term mullet grey* (там же). Разнообразно и цветовосприятие винной бутылки-повествовательницы: *raspberry red, elderflower green, blackberry blue, rosehip yellow, dampson black* [3, p. 10].

Особенностью повествовательной структуры этого произведения является в частности то, что время в нем выходит за рамки привычного (вазе более двух тысяч лет). Свое нынешнее положение ваза-повествовательница воспринимает как унижительное, поскольку она используется в качестве сосуда для сохранения остатков пищи с ее неприятными запахами: *... myself a lowly utensil, open wide to serve, a family retainer retaining the evening meal, a delegation of local smells and colours, the bickering of the fish-friers* [2, p. 10].

Ваза-повествовательница заявляет, что все неодушевленные предметы ночью становятся одушевленными: платяные шкафы стонут и ворчат, стулья судорожно вздрагивают, доски пола суетливо ерзают, а она вслушивается в эти звуки: *The inanimate, with the help of night can move...* [2, p. 12].

Помимо всего прочего автор наделил вазу-повествовательницу недюжинным чувством юмора. Она не только коллекционирует людей, но и дает им прозвища, в гротескной форме подчеркивая отличительные черты их внешности (*Nose, Tatman, The Beard, The Chin, Perforation*), характера (*Vote Now, The Champion*), либо особенностей поведения человека (*Wordless, Bloodsuckerissimus*).

Иногда юмор вазы переходит в злословие: *The Gorgon vase that was positioned behind Lump has taken two shattering bullets and the decent-sized shards have been ground into the ground by Lumps mass. Kablooted beyond*

the redress of glue and patience. Complicated irreversibly. Some sorry fourth rate provincial museum might offer it sanctuary. Gotcha. I hear with satisfaction Nikki's foot crunching another piece. There can't be many of them left. I'm patient. I'll get them. Gorgons, I'm coming for you.

Truthfully, I don't care that much, but I have to convince myself that I do. Without grudges what would there to be? Without passion you'd just be sitting on the shelf, ceramicking along [2, p. 212-213].

В приведенном примере ваза-рассказчица поначалу испытывает радость оттого, что разбили ее соперницу – вазу с изображением медузы Горгоны. Но с другой стороны, жизнь без тайного недоброжелательства становится для нее пресной. Обращает на себя внимание слово *ceramicking* (в словаре отсутствует глагол *ceramick*, который ваза сама образовала от существительного *ceramics*), означающий «жить» (о керамическом предмете).

Ваза-повествовательница не только описывает явления, но и дает оценочные суждения и даже философствует о смысле жизни и бытия. В силу своей мудрости, опыта жизни она может как бы с позиции высшего разума предсказывать будущие события и забегать вперед (проспекция):

The check has surely cleared by now and Nikki is off to unpay more bills, to take perhaps a turn from betraying to being betrayed in her turn.

Prognostication: *she will return to Market Harborough and close the circle ending up in the last place she expected. The back of Market Harborough is furthest away from its front [2, p. 214].*

Prognostication: *this is the man Rosa will spend the rest of her life arguing with. In time they will speak of Nikki with fondness, the matchless matchmaker who gave them both a flat worth living in. They will be collaborators on the most chryselephantine pleasure.*

Over the years he will annoy her by being late and then pretending when they arrive that it was Rosa's fault. When Lettuce marries he will vex Rosa by the stinginess of the wedding present he buys. Rosa's choice of candlesticks will infuriate him, as well as her harshness to spiders [2, p. 215].

В отличие от движущихся наблюдателей, которые могут выбирать, изменять собственную позицию (курс) предметы-повествователи – стационарные объекты. Они запечатлевают лишь то, что видят, создавая впечатление отсутствия целостности мировосприятия. Вместо целостной картины жизни изображается ее осколочность. Автор, скрывающийся за маской вазы-повествовательницы, показывает невозможность со стороны предмета-повествователя рассказать все по порядку, поэтому она повествует о самом памятном и приметном. Отбираются факты, события, явления, на первый взгляд, лишённые логики, непоследовательные, но объединённые внутренне и неизбежные. В целом, повествование представляет собой разрозненные впечатления, встречи, беседы, монологи, диалоги. Фрагментарность восприятия находит отражение в речи повествователя за счет эллипса: *Everything. Been it. Seen it. Mean it.* [2, p. 5] В то же время, вместо полноты бытия у вазы отмечается «отрывочное существование» и «узость наблюдений». Несмотря на иронию в повествовании ваза-рассказчица прекрасно понимает, что читатели могут не воспринять ее как личность.

Та же картина наблюдается и у повествовательницы-бутылки из произведения Дж. Харрис «Ежевичное вино», которая воспринимает мир через свое затемненное стекло: *Wrong again. Nothing.* [3, p. 45] *Silence.* [3, p.51]. Как она сама говорит: *through a glass, darkly* [3, p.332]. Дробности описания способствует отсутствие абзачных отступов в начале глав и в самом начале повествования. Действие как бы начинается с середины. Повествование винной бутылки начинается с утверждения о том, что по ее мнению, люди знают, что вино говорит:

Wine talks. Everyone knows that. Look around you. Ask the oracle at the street corner; the uninvited guest at the wedding feast; the holly fool. It talks. It ventriloquizes. It has a million voices. It unleashes the tongue, teasing out secrets you never meant to tell, secrets you never even knew. It shouts, rants, whispers. It speaks of great things, splendid plans, tragic loves and terrible betrayals. It screams with laughter. It chuckles softly to itself. It weeps in front of its own reflection. It opens up summers long past and memories best forgotten. Every bottle a whiff of other times, other places; every one, from the commonest Liebfraumilch to the imperious 1945 Veuve Clicquot, a humble miracle. Everyday magic, Joe called it. The transformation of base matter into the stuff of dreams. Layman's alchemy.

Take me, for instance. Fleurie, 1962. Last survivor of a crate of twelve, bottled and laid down the year Jay was born [3, p. 9].

В заключение отметим, что, прибегая к помощи предмета-повествователя, автор как бы прячется за него, что позволяет ему подвергнуть более суровой критике общество, поведение людей. Находясь в роли «наблюдателя», неодушевленные предметы-повествователи («бездружные») ваза и бутылка наделяются человеческими страстями и пристрастиями.

Специфика мировосприятия предметов-нарраторов в том, что они через собственные ощущения, рассуждения пытаются постичь окружающий их мир и, в частности, людей. Они также как и люди подчинены единой модели человеческого поведения. И их различие, так же, как и для разных повествователей-людей, в их индивидуальности.

Исследование показало, что предметы-нарраторы в рассматриваемых произведениях в 100% случаев являются периферийными персонажами. Их основной ролевой статус – наблюдатели событий. Освещение событий с точки зрения предметов-нарраторов, характерное для современной прозы, служит средством активизации воображения, памяти и мышления читателя.

Литература:

1. Игина Е. В. О понятиях «образ автора» и «точка зрения» в теории и практике анализа литературно-художественного произведения // Записки з романо-германської філології. – Одеса. – Вип. 11. – 2002. – С. 85-95.
2. Fischer T. *The Collector Collector* : [novel] / Tibor Fischer. – London : Vintage, 1997. – 215 p.
3. Harris J. *Blackberry Wine* : [novel] / Joanne Harris. – London : Black Swan, 2001. – 334 p.